

КАСТУСЬ КАЛИНОВСКИЙ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕРОЯ

Александр ГРОНСКИЙ,
кандидат исторических
наук, доцент

ПОИСК ГЕРОЕВ

Земля полнится слухами, а политика мифами. И не только политика, а, пожалуй, все связанные с ней так или иначе области. Наверное, наиболее опасной является фальсификация мифов национальных, поскольку именно на них базируются романтические представления о себе, своем окружении, собственных предках и т. д. Для существования нации нужны национальные герои, причем такие, которыми можно законно гордиться. А если этих героев нет – их создают. Одним из таких сконструированных героев для белорусов стал Викентий Константин Калиновский.

В 10-е годы XX века, когда еще были живы свидетели польского восстания 1863–1864 годов, представители белорусского национального движения не находили в восстании никаких белорусских деятелей, в том числе Викентия Константина Калиновского. В газете «Наша ніва» нет ни одного упоминания о нем. Калиновского попытались сделать белорусским национальным героем лишь в конце Первой мировой войны, то есть через более чем 50 лет после его смерти, когда подавляющее большинство очевидцев восстания уже умерло, и никто не мог опровергнуть утверждения новых белорусских историков. Легенда распространилась после крушения Российской империи в среде белорусских сепаратистов, удачно, хоть и не без трудностей, вписалась в советскую историографию и, наконец, так же удачно перешла в новую националистическую концепцию истории, начавшую формироваться в конце 80-х годов XX века. В Белоруссии конца XX столетия легенда о К. Калиновском получила новое развитие.

По мнению Г.В. Киселева, «в 1915 году Максим Богданович писал о Калиновском в статье «Белорусское возрождение», как будто примеряя его личность к контексту белорусской национально-культурной истории» [1]. Однако исследователь грешит желанием выдать желаемое за действительное. Приведем цитату Богдановича полностью: «Польские повстанцы 1863 г. в свою очередь выпустили ряд изданий на белорусском языке. Таковы «Мужыцкая праўда», «Гутарка старога дзеда»,

«Перадсмертны разгавор пустэльніка Пятра» и т. д. К. Калиновский издавал даже в Белостоке белорусскую газету «Hutarka» (стихотворную), подписываясь псевдонимом «Яська-гаспадар з-пад Вільні» [2, с. 408]. Никакой привязки к контексту белорусской истории нет.

В «Кароткай гісторыі Беларусі» В.Ю. Ластовского, печатавшейся отдельными статьями в «Нашай ніве», а вскоре изданной отдельной брошюрой и являющейся отчасти катехизисом современного белорусского национализма (хотя сам В.Ю. Ластовский не был историком по образованию, и его работу можно отнести лишь к исторической беллетристике, представляющей из себя набор фактов с приданием им национальной окраски), о таком, казалось бы, значимом издании нет ни слова [3].

В годы советской власти начался активный поиск национальных героев-революционеров, боровшихся за свободу простого народа. На эту роль в белорусской истории был выдвинут К. Калиновский, а издаваемая им и ориентированная на крестьян «Мужыцкая праўда» стала лишним доказательством того, что Калиновский был революционером; о том, что он был польским патриотом (и поляком по национальности), предпочитали не говорить. Правда, Калиновский получил ореол героя не сразу, его обвиняли в мелкобуржуазном национализме и тому подобных уклонах, но поскольку иные деятели эпохи еще больше не походили на борцов за народное счастье, то Калиновский закрепился в официальной историографии как белорусский национальный герой. Для придания белорусских черт его стали называть сначала Касцюк, а

потом Кастусь, хотя ни один источник не зафиксировал этих имен ранее. Калиновский, если писал по-русски, предпочитал называть себя первым именем – Викентий, а во время восстания пользовался своим вторым именем – Константин, а точнее – Константы, так как он был поляком и использовал именно польскую форму написания.

Нужно заметить, что на роль национального героя Калиновского выдвигают еще и литовцы. Однако они отстали от белорусов в этом на несколько десятков лет. Напрямую с борьбой литовцев за независимость восстание 1863–1864 годов историки связали лишь после Великой Отечественной войны, да и то только потому, что в Литовской ССР подводились итоги коллективизации, и нужно было каким-то образом подвести историческую базу под этот процесс. Таким образом, Калиновский получил имя Костас Калинаускас и стал олицетворять собой борьбу за счастье литовских крестьян, что вполне укладывалось в рамки советской концепции истории. До этого времени литовские историки оценивали восстание как польское [4].

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КОНСТРУИРОВАНИЯ

Впервые, судя по всему, «белорусскость» Калиновского сконструировал активный деятель белорусского «нашаніўства» В.Ю. Ластовский в своей статье «Памяти Справедливого» в газете «Гоман» № 1 от 15 февраля 1916 года. Хотя, как уже упоминалось выше, Ластовский в 1910 году абсолютно не подозревал о «белорусском следе» Калиновского. В статье проявились первые попытки составить биографию идеального белорусского героя. Причем объяснение некоторых черт его идеальности, скорее всего, следует искать в ситуации, которая сложилась на западе Российской империи в 1916 году. Часть ее была оккупирована немецкими войсками (там находился и сам Ластовский), поэтому для поддержания имиджа национального героя хорошо было подчеркнуть антирусскую направленность

деятельности Калиновского. А чтобы придать этой антирусскости белорусские черты, Константин (или Константы) стал у В. Ластовского Касцюком [5, с. 306]. Позже «Касцюк» трансформируется в «Кастуся», что и закрепилось до наших дней.

Кроме того, свое повествование о Калиновском В. Ластовский начинает с фразы: «Много лет пролежала у меня в секретном тайнике пачка бумаг, из которых отрывками хочу поделиться со своим обществом» [5, с. 306]. Интересно, что под этой пачкой, которую В. Ластовский, по своим же словам, прятал от жандармов, подразумеваются так называемые «Лісты з-пад шыбеніцы», текст которых и приводится далее. Утверждение о «секретных тайниках» не более чем ход для введения в заблуждение читателей, поскольку «Лісты з-пад шыбеніцы» были опубликованы в 1867 году в Париже А. Гиллером и никакой тайны не составляли. Естественно, парижское издание не было широко доступно, но секретные тайники были ни к чему: зачем прятать то, что уже опубликовано.

**ГРОНСКИЙ
Александр Дмитриевич.**
Родился в 1976 году.
Окончил БГУ. Преподает
на кафедре гуманитарных
дисциплин Белорусского
государственного уни-
верситета информатики
и радиоэлектроники.
Автор более 70 научных
публикаций в белорусских,
российских, боснийских и
сербских изданиях.
Сфера научных интересов:
история Беларуси XIX –
начала XX века, теория
национализма, история
русской политической
полиции.

Также к явным натяжкам следует добавить абсолютно голословное утверждение В. Ластовского о деятельности Калиновского по белорусскому возрождению. По его словам, Калиновский не только «добивался широких культурно-национальных прав для белорусского и литовского народов», но и руководил переводами революционных песен того времени на белорусский язык, закладывал «начальные школки с обучением по-белорусски», создавал литературные кружки молодежи, «которые обрабатывали к печати популярные белорусские книжки».

Интересна и еще одна сторона конструирования героя. Это коррекция оригинальных текстов в нужную для белорусского национализма сторону. В статье «Памяти Справедливого» цитируется текст Калиновского, якобы пролежавший в «секретных тайниках» Ластовского. В настоящее время известны оригиналы этого текста, более того, как упоминалось выше, он был опубликован еще в конце XIX века. Поэтому просто приведем для сравнения оригинал и откорректированный образец.

Оригинал [6, с. 46, 47]	Текст у Ластовского [5, с. 307, 308]
Братья мои, мужики родные!	Белорусы, братья мои родные!
Марыська, черноброва голубка моя	Белорусская земляшка, голубка моя

Налицо явная попытка «обелорусить» образ сторонника социального равенства, которая осталась в белорусской историографии как догма до нынешнего времени. Любопытный факт: в «Беларускім календары «Сваяк» на 1919 год» наряду с перепечаткой статьи «Памяти Справедливого», в которой, в отличие от первого варианта текста, Калиновский боролся за независимость уже не Литвы, а Белоруссии [5, с. 484], была помещена статья «Белоруссия под Россией», где два восстания 1833 и 1861 года (почему именно эти даты В.Ю. Ластовский использовал для обозначения восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов, неизвестно) назывались польскими, а белорусский народ, по утверждению авто-

ра, «в целом не принадлежал им» [5, с. 320], то есть в них не участвовал. Ничего не сказано и о белорусской роли Калиновского. Получается, в одном и том же календаре об одном и том же событии один и тот же человек дает два разных, причем совершенно противоположных представления. Судя по всему, это была первая слабая попытка искусственно создать белорусского идола, чтобы состарить начало «белорусского возрождения». Однако, видимо, автор сам понимал всю шаткость такого утверждения, поэтому и не рекламировал белорусские идеи сугубо польского восстания.

НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

Перед восстанием 1863–1864 годов польские подпольные группы в Северо-Западном крае проводили усиленную антирусскую и антиправославную пропаганду. Иногда она носила явно провокационный характер. Власти не могли эффективно бороться с этим, поскольку все их действия квалифицировались сепаратистами как попытка давления на костел, то есть пропольским, оппозиционно настроенным российской власти населением все воспринималось очень болезненно. Кроме пения гимнов в костелах иногда происходили вызывающие действия, например нападения на полицейских-католиков, пришедших на мессу [7, с. 2]. В отношении участников подобных акций власти не проводили репрессивных действий, чтобы лишний раз не накалять обстановку, ограничиваясь только установлением личностей виновных. Среди городского населения распространялись всевозможные листовки, в которых описывались реальные и вымышленные просчеты российских властей в политике на территориях бывшей Речи Посполитой, а часто и вообще ничем не прикрытая дезинформация о подготовке западных государств к войне с Российской империей ради интересов восстановления Речи Посполитой. Католическое духовенство в своей массе поддерживало польские демарши и в некоторых случаях помогало их осуществлению. Правительственные чиновники

могли только посылать католическим иерархам Северо-Западного края просьбы об удержании ксендзов от занятий политикой [8, с. 106]. И хотя руководство католической церкви рассылало эти требования на места, большинство ксендзов не обращало на них внимания.

Часть православного духовенства Северо-Западного края до 1839 года была униатскими священниками. Именно этот аспект пытались использовать поляки в своей агитации. Православным священникам угрожали всевозможными карами, и не только небесными, но и земными, намекая на террористические действия повстанцев по отношению к православному духовенству. Такие действия действительно имели место, причем не потому, что православный священник отказывался читать польский манифест, а только потому, что священник принадлежал к православной церкви. Иногда священников оскорбляли действием и грабили, но были и случаи убийств, причем случалось, что перед смертью жертву мучили [7, с. 8]. Несмотря на угрозу насилия над каждым православным священником, ни один из них не принял участия в восстании. Самым серьезным случаем сотрудничества с мятежниками было прочтение православными священниками под угрозой смерти польского манифеста. Интересно, что в польском восстании 1830–1831 годов кроме униатских священников приняло участие и три православных [9, с. 34], а в период восстания 1863–1864 годов даже бывшие униаты не сочувствовали повстанцам, во всяком случае, не сочувствовали открыто.

Помимо православных священников от действий повстанцев страдали и крестьяне, причем независимо от вероисповедания. Повстанческие отряды, для того чтобы добыть себе провиант, одежду и оружие, пользовались услугами местного населения. И далеко не всегда оно давало требуемое повстанцами добровольно. В большинстве случаев повстанцам приходилось применять силу или угрозы. Для склонения крестьян к антиправительственным действиям Калиновский приказал зачитывать приказ польского правительства, в котором

утверждалось, что крестьяне могут бесплатно получить земельные наделы. Однако акция не оправдала себя, поскольку в последующих указаниях повстанческим поветовым комиссарам Калиновский приказывал проверять, выполняются ли приказы польского правительства, в том числе о наделении крестьян землей. Дело в том, что после ухода повстанцев из деревни жители часто переставали соблюдать размеры данных им повстанцами наделов и возвращались к прежнему разделению. Кроме того, крестьяне всеми силами старались спастись от попыток вербовки в повстанческие отряды. Больше всего это касалось крестьян-католиков, которые, по мнению повстанческого руководства, должны были более позитивно воспринять идею возрождения католического государства. Однако оказалось, что при появлении повстанческих отрядов они старались покинуть свои деревни и укрыться в лесах [7, с. 310; 10, с. 169]. Кроме того, жаловались российской военной администрации на действия повстанцев и просили защитить их от произвола. Не случайно белорусские крестьяне достаточно быстро организовали вооруженные караулы и помогали русским войскам вылавливать скрывавшихся повстанцев. Всего, по мнению исследователей, лишь 18% восставших были крестьянами [11, с. 136]. Действия повстанческих отрядов на территории Белоруссии не были активными. По подсчетам белорусских исследователей, ими было проведено 46 боев с русскими войсками, две трети из которых произошли в Виленской и Гродненской губерниях – территориях с устоявшимися традициями католицизма и сильным польским влиянием [12, с. 449]. На востоке Белоруссии боевых действий практически не наблюдалось, а попытки создания повстанческих отрядов были пресечены в самом зародыше [10, с. 231]. Уже к концу весны 1863 года повстанческое движение в Белоруссии и Литве было практически подавлено, а повстанцы – деморализованы. В этих условиях польский повстанческий центр стал подбирать кандидатуру на должность руководителя восстания в Северо-Западном крае. Им стал К. Калиновский, отстранен-

ЛИТЕРАТУРА

1. Кісялёў, Г.В. К. Каліноўскі і беларуская культура. // Кастусь Каліноўскі (1838–1864). Матэрыялы рэспубліканскай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю со дня нараджэння выдаючага беларускага рэвалюцыйна-дэмакрата і мысліцеля К. Каліновскага / Рэдкал.: І.П. Крэнь, В.Н. Чарэпіца, Я.Н. Мараш, Т.І. Томашэвіч, М.П. Костюк. – Гродно: Укрупненая тыпаграфія, 1988. – С. 20–28.
2. Багдановіч, М. Зорка Венера: Творы / Уклад. і прадм. А. Клышкі. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1991.
3. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. / В.Ю. Ластоўскі. – Мн., 1992. – (Рэпрэнт, 1910).
4. Лазутка, С.А. О некотрых канцэпцыях восстанія 1863–1864 гг. в літоўскай савецкай істэрыяграфіі // Кастусь Каліноўскі (1838–1864). Матэрыялы рэспубліканскай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю со дня нараджэння выдаючага беларускага рэвалюцыйна-дэмакрата і мысліцеля К. Каліновскага. – Гродно, 1988. – С. 34–41.
5. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мн., 1997. – С. 306–308.
6. «Мужыцкая праўда» і лісты «з-пад шыбеніцы»: Тэксты і каментарыі. – Нью-Йорк, 1980.

ный от этой должности в марте 1863 года. Однако ни энергичные действия нового руководителя, ни появление новой печатной агитационной продукции, ни распускание слухов о том, что в этнической Польше русская армия разбита и на помощь восставшим идут армии европейских стран, не помогли возродить повстанческую активность. Последние повстанческие отряды на территории Белоруссии продержались в глухих лесах до осени 1863 года и, не имея поддержки населения и страдая от дезертирства, вынуждены были самораспуститься.

ПОРТРЕТ В.-К. КАЛИНОВСКОГО НА ФОНЕ ЭПОХИ

Традиционно Калиновскому приписывают широкий круг достоинств. Он и поэт (хотя известно всего одно его стихотворение достаточно посредственного качества), и философ (но ничего философского он после себя не оставил), и мыслитель (хотя его мысли не выходили за рамки радикального

которых вполне мог подготовить и не он). Остальная же переписка В.-К. Калиновского велась на польском языке, а официальные обращения к администрации – на русском. Складывается впечатление, что Калиновский использовал белорусский язык только в целях пропаганды среди сельского населения. То, что создание «Мужыцкай праўды» было чисто пропагандистской акцией, подтверждает существование польскоязычной газеты «Хоронгев свободы» («Chorągiew swobody»), участие в выпуске которой принимал Калиновский. Газета рассчитана на ополяченное дворянство и горожан и несет в себе совершенно другое наполнение. Принцип равноправия сословий в газете упоминается, но «без ущерба для чьей-либо собственности» [13, с. 63], что противоречит идеям «Мужыцкай праўды». Выходит, Калиновский для большей доступности и более широкого распространения антирусских идей использовал разные призывы и разные языки, пытаясь удовлетворить ожидания различных социальных слоев.

Калиновский был крещеным католиком, однако, судя по всему, к религии относился достаточно прохладно. Во всяком случае, то, что он был фанатично верующим, нигде не зафиксировано. Это естественно, если учесть, что, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, Калиновский имел возможность познакомиться с взглядами русских революционеров, настроенных достаточно антирелигиозно. Именно поэтому религия была в последующем использована К. Калиновским лишь как средство антирусской пропаганды. Призывая православных белорусов перейти в униатство, он старался сыграть на отличиях между христианскими конфессиями, чтобы оторвать подавляющую часть белорусских крестьян от остального православного населения и поставить их в условия оппозиции ко всему государственному и православному.

Вызывает интерес вопрос о национальных предпочтениях Калиновского. Следует обратить внимание на то, что, обращаясь к крестьянам, он не называет их белорусами, фактически не рассматривая крестьян с эт-

решения крестьянского и польского национального вопросов), и просветитель (хотя именно он призывал к геноциду дворян как сословия, не оставиваясь даже перед убийством грудных детей). Белорусскоязычное наследие В.-К. Калиновского очень невелико. Это шесть выпусков «Мужыцкай праўды» (седьмой, судя по всему, был подготовлен не им), «Ліст Яські-гаспадара з-пад Вільні да мужыкоў зямлі польскай», три «Лісты з-пад шыбеніцы» и два приказа (один из

нических позиций. Род Калиновских происходил из Мазовии, то есть территории этнической Польши, и поэтому совершенно естественно утверждение, что Калиновский родился в семье «польского мелкопоместного дворянина» [10, с. 123]. Всю свою частную переписку он вел по-польски.

Для того чтобы заставить польские патриотические организации Северо-Западного края быть более активными, Варшава в начале 1862 года стала направлять в Литву и Белоруссию своих представителей, которые должны были радикализировать польскую молодежь края. Этим занимались Я. Франковский, а также будущий представитель Варшавы в Вильно Н. Дюлеран и другие. Видимо, К. Калиновскому пришлось по душе радикальные призывы последнего (он как раз действовал в Гродненской губернии, где в то время находился Калиновский). По протоколам допросов повстанцев можно проследить, что К. Калиновский очень тесно общался с Н. Дюлераном [10, с. 122, 139]. Известен единственный случай, когда варшавский коллега был изгнан с заседания Литовского провинциального комитета, возглавляемого в то время К. Калиновским. Это было связано с тем, что Варшава подчинила себе часть территории, ранее контролируемой из Вильно, и стала собирать там деньги. Естественно, полный амбиций и юношеского максимализма, В.-К. Калиновский не мог стерпеть то, что из под его контроля ушел регион, который мог давать финансовую поддержку. Этот факт белорусские историки почему-то воспринимают как доказательство проповедования К. Калиновским белорусских идей. На самом же деле речь шла лишь о неприятии Варшавы как явления, мешающего молодому и амбициозному человеку вершить «правильный» ход истории. Холодность в отношениях продолжалась до самого начала восстания, но потом отношения с Н. Дюлераном были восстановлены. Это также прослеживается по протоколам допросов участников восстания [10, с. 134, 135, 154]. Почему же «белорусский националист» К. Калиновский поддерживал тесные связи с представителями Варшавы? Не потому ли, что он все-таки был поляком по

крови, по культуре и, самое главное, по менталитету? Даже если он и видел Литву независимой от Польши, то только лишь как «другую Польшу» – государство крестьян, исповедующих утопический социализм и имеющих польское самосознание. О религиозной принадлежности будущих граждан К. Калиновский вряд ли задумывался, поскольку в его воззваниях к крестьянам нигде, кроме «Мужыцкай праўды», о религии не упоминалось. Судя по всему, религиозный вопрос был только разменной монетой в политике Калиновского. Один из повстанцев-консерваторов Я. Гейштор, не поддерживавший «хлопоманские» (то есть крестьянолюбивые) установки Калиновского, называл его патриотом [10, с. 124]. Вряд ли человек, достаточно хорошо знавший взгляды Калиновского и много раз споривший с ним, не указал бы на его белорусскую ориентацию. Напротив, Я. Гейштор лишь подчеркивает польский патриотизм, исповедуемый им. Да и прочие участники восстания также не находили в деятельности Калиновского никакой белорусской составляющей [13, с. 142]. Таким образом, современники К. Калиновского не видели в его деятельности ничего белорусского, а польское подмечали многие.

По словам современного белорусского историка Я.И. Трещенка, «история польского (...) восстания 1863 года на белорусских землях принадлежит к числу наиболее мифологизированных, тенденциозно искажаемых событий белорусского прошлого» [14, с. 128]. Именно в силу создания искусственного мифа польский революционер-фанатик Винцент Константы Калиновский превратился в «белорусского революционного демократа Кастуса Калиновского». И сегодня многим выгодно продолжать повторять устоявшиеся догмы, поскольку в противном случае придется переписать практически всю историю Белорусского края в составе Российской империи и заново расставить некоторые акценты. Однако рано или поздно сделать это придется. Ведь исторические мифы опасны своей поразительной способностью исказить национальное самосознание и менталитет.

ЛИТЕРАТУРА

7. Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. – Вильно, 1913.
8. Восстание 1863–1864 гг. в Литве и Белоруссии. – М., 1965.
9. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі. – Мн., 2001.
10. Миско, М.В. Польское восстание 1863 г. – М., 1962.
11. Ковкель, И.И., Ярмусик, Э.С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. – Мн., 2000.
12. Біч, М. Паўстанне 1863–64 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мн., 1997. – Т. 5.
13. Калиновский, К. Из печатного и рукописного наследия. – Мн., 1988.
14. Трещенок, Я.И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период // Учебное пособие. – Могилев, 2003.